

духовные скрепы способны выступить той преградой, при нарушении которой «глобализирующиеся» страны могут потерять свою идентичность и социальное предназначение.

Процессы глобализации показали, что отказываться от института национальных государств — не актуальное (а нередко и вредное в плане обеспечения национальных интересов) занятие. Национальное государство — надежный публичный институт, способный сегодня страховать страны и народы от негативных проявлений глобализации. Вот почему следует не только сохранять данный институт для обеспечения в каждой стране своих национальных интересов, но и укреплять его, что весьма благоприятно скажется на развитии государственно-правовой жизни общества.

Алексей Александрович Федорченко
*Доцент кафедры теории, истории
 государства и права,
 общеобразовательных дисциплин
 ВГУЮ (РПА Минюста России)*
кандидат юридических наук, доцент

Aleksey Aleksandrovich Fedorchenko
*Associate Professor of the department
 of State and Law Theory and History
 and General Education Disciplines, the
 All-Russian State University of Justice
 (RLA (Russian Law Academy) of the
 Ministry of Justice of Russia), Candidate
 of Legal sciences, Docent*

Правовое пространство как фрейм: социологическая оптика рассмотрения

Legal Space as a Framework: Sociological Point of View

В 2017 г. компания Samsung объявила о последней инновации в области хайтек технологий — The Frame. На мировой выставке в Лас-Вегасе CES компания представила интерьерную панель The Frame. Это уникальное устройство, не имеющее аналогов, стало предметом искусства, которое преобразит любой интерьер или творческое пространство.

The Frame в режиме «Галерея» напоминает картину в раме. В отличие от стандартного телевизора, который представляет собой темный экран после выключения, The Frame становится произведением искусства, позволяя пользователям выбрать изготовленные на заказ художественные шедевры цифрового искусства. Разработано более 100 изображений в различных жанрах — включая пейзажи, архитектуру, дикую природу, рисунки и многое другое, что подойдет к любому интерьеру. The Frame имеет большой выбор художественных заставок и представляет многообразие цветовой гаммы.

Термин «фрейм» сам по себе нельзя со стопроцентной уверенностью отнести только к хайтек технологиям и кибернетике. Следы теории фреймов также можно найти в лингвистике, психологии, в исследованиях, посвященных искусственному интеллекту и социологии*.

*Рамка, или фрейм (англ. frame), а также англ. group box (контейнер групп) — элемент (виджет) графического интерфейса пользователя, который является контейнером для других объектов. Очень схож с окном по своим свойствам, но отличается от него тем, что не может находиться внутри аналогичного контейнера. В социологии понятие «фрейм» — это когнитивная структура (каркас), социальный контекст, определяющий наше поведение. Оказавшись в каком-либо месте или ситуации, мы попадаем во фрейм — систему разрешенных и недопустимых действий, определенных установок. Например, придя в офис, мы понимаем, где находимся. Знаем, что здесь можно делать и чего нельзя. Какие действия приветствуются или ожидаются, а какие недопустимы. Понятие, используемое в социальных и гуманитарных науках (таких, как социология, психология, коммуникация, кибернетика, лингвистика и др.), означающее в общем виде смысловую рамку, используемую человеком для понимания чего-либо, и действий в рамках этого понимания, целостность, в рамках которой люди осмысливают себя в мире. Другими словами, фрейм — устойчивая структура, когнитивное образование (знания и ожидания), а также схема представления. Фрейм — это метакоммуникативное определение ситуации, основанное на управляющих событиями принципах организации и вовлеченности в события.

Понятие фрейма социолог И. Гофман заимствовал у Грегори Бейтсона, который в своих исследованиях высших приматов, выдр и дельфинов ориентировался на теорию коммуникации, теорию множеств и кибернетику. Английское слово «фрейм» обозначает широкий круг понятий, связанных со структурированием реальности, в широком смысле это «форма». И. Гофман, автор бессмертного труда «Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта», который стал настоящим научным открытием, имел в виду перспективу восприятия, создающую формальные определения ситуации.

Ежедневно миллионы людей встречаются друг с другом, общаются, передают знания, совершают различные действия, поступки, правонарушения и т. д. Взаимодействуя, они неосознанно формируют своеобразные практики, которые в будущем снова с успешностью применяют. Подобные практики в результате постоянного повторения закрепляются в сознании и создают так называемый «фрейм». Можно предположить, что все межличностное взаимодействие зиждется именно на этих фреймах. Но так ли это на самом деле, или человек способен общаться с другими без заданных им же самим практик и фреймы ему не нужны?

Бесчисленное количество ситуаций, с которыми сталкиваются люди, казалось бы, требует для входа в них бесчисленного количества смысловых «ключей». Однако Гофман предлагает всего пять основных «ключей» к первичным системам фреймов: это выдумка (make-believe), состязание (contest), церемониал (ceremonial), техническая переналадка (technical redoing), пересадка (regrounding).

Теория фреймов использует в своей методологии такие инструменты, как первичные системы и вторичные, ключи и переключения, умысления и фабрикации, театральность и постановочность, конструкция и деконструкция фреймов, негативный опыт и позитивный опыт, когнитивность и перцептивность и т. д.

Для специального изучения правового пространства с позиции фреймов необходимо различать, в каких значениях оно может быть использовано, выделить более или менее отдельные подходы, поскольку то, что подразумевается под словами «пространство», «дистанция», «границы», «среда», «коммуникация», «практика», «статус», «роли» и т. п., в зависимости от подхода будет существенно различаться*.

Конструкции «правовая жизнь» и «правовое пространство» позволяют расширить горизонт научной дискуссии, наполнив юридическую науку социологией и вдохнув в нее саму жизнь — рутинную повседневность во взаимодействии людей, практический опыт, мобильность и событийность, фактологичность, социальность [23]. Такая оптика обусловлена неуловимостью, многозначностью и сложностью нашего объекта исследования — «правового пространства», которое во многом является «метафоричным», когнитивным или перцептивным (психологически воспринимаемым), что добавляет к пониманию правовой действительности и правовой жизни большей осмысленности и детальности, проявленности и феноменологичности.

Правовая действительность — это самый сложный комплекс элементов, участников правового общения, структур, норм, идей, традиций, образов, символов и т. п., имеющих национально-исторический, технико-юридический и социально-психологический оттенок.

Сложившееся понимание пространства в его территориально-географическом смысле, безусловно, представляется поверхностным и шаблонным. Социальное, а тем более правовое пространство — это «человеческие явления», а не физические, и прямое перенесение «физического» (естественнонаучного) смысла в социальные науки ничего не прибавляет в познании общества.

---

* На наш взгляд, отчасти близок к объективному значению категории «правовое пространство» С. А. Пашин: правовое пространство — это собственно юридическая сфера, т. е. специально сконструированная юристами виртуальная реальность, для которой характерны всякого рода умозрительные фикции и артефакты, не наблюдаемые в естественных условиях. См.: Пашин С. А. Человек в российском правовом пространстве. М., 2001. С. 157–158.

Выделяют три аспекта правового пространства:

– пространство взаимодействия субъектов права в определенном месте. Принимается во внимание значение близости (удаленности) субъектов друг от друга для самого процесса взаимодействия и приобретения правового опыта. Значение придается: а) тому, как исследователь видит пространство, б) каково социальное значение пространства, не рефлекслируемое участниками, но принципиально важное для них, в) какое значение пространственным характеристикам взаимодействия придают сами участники: как пространство осознается и обсуждается ими;

– пространство как порядок социальных позиций, метафорическое (перцептивное) пространство, структурируемое статусами правовых субъектов;

– пространство как нечто обозримое, место расположения тел, вместилеще мест и позиций. В силу отсутствия широкого внимания к этому понятию социологи нередко не разводят различные аспекты пространственных характеристик социальной реальности, используя каждый раз категорию *ad hoc*.

В дальнейшем именно такая образность задает оптику рассмотрения нашего объекта исследования – правового пространства (И. Малинова). Оптика – это ракурс видения, некая стратегия представлений и, как сказал В. Вахштайн – российско-французский социолог и теоретик концепции фреймов, – «исследователь видит мир таким, каким его делает доступным взгляду его собственный теоретический словарь» [24, с. 15]. Изменяя оптику рассмотрения – мы изменяем границы непознанного и нашей теории.

Правовое пространство существует тогда, когда субъекты ведут себя правовым способом бытия. Социальная действительность гипотетически может существовать и без права и правового пространства, без вспомогательных социальных (правовых) средств (без совершения специальных действий, субъективных юридических прав и субъективных юридических обязанностей), но если она станет протекать с социальными проблемами и даже конфликтами, несправедливо и нецелесообразно, то дальнейший возврат к предшествующей ситуации официальным путем будет просто невозможен. И потому в правовом пространстве именно правовые действия участников вызывают к жизни специфический вид социальных отношений – правовых, в рамках которых происходит превращение реальных людей в маски – субъектов правоотношений, участвующих не в личном качестве, а в качестве истца, ответчика, продавца, кредитора и должника и т. д., разыгрывая свою инсценировку по поводу реальных действий в соответствии с правовым сценарием спектакля. Многие отмечают, что правовое пространство – это такая среда, где участники правового общения сталкиваются между собой не лично, а обезличенно, как актеры. На поле юридическом никто крови не проливает, после окончания судебного «спектакля» актер, играющий роль подсудимого, может быть передан палачу для реального исполнения приговора [25].

Как гениально заметил В. С. Нерсисянц, «абстрагированный от фактичности, формализованный мир права со своими особыми условиями и условностями, со своими персонами (правовыми масками), ролями, правилами поведения, процедурами и т. д. нередко сравнивают с театром, имея в виду его игровой характер, театральные условности, абстрагированность театрального действия от действительности и т. д. В подобных сравнениях есть доля правды («человек играющий» проявляется везде – и в быту, и в праве, и в театре, и в религии, и в других сферах жизни), тем более что театр (и прежде всего – драматический театр) многое перенял из области права, правовых коллизий и процедур, правовой трактовки реальных ситуаций, организации и проведения судебного процесса, словом – из драм и драматургии правовой жизни. Но условности театра так и остаются в условном мире – за занавесом театра, а между правом и жизнью нет такого занавеса и в условностях правовой формы бурлит невыдуманная драма самой жизни с подлинными приобретениями и потерями, и мертвые здесь не воскресают» [26, с. 41].